

ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

УДК 39.392+394.21
DOI: 10.17223/19988613/59/25

Р.Р. Баязитова

СБОРЫ И ПРОВОДЫ В ДОРОГУ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БАШКИР

Рассматриваются особенности сборов и проводы в путь, принятые у башкир. Целью исследования является определение символики дороги, семиотических аспектов вербального и невербального компонентов прощания с родными и близкими, реконструкция культуры дороги башкир в целом. Запреты и предписания, благопожелания, магические действия были направлены на защиту, поддержание путника сообразно принятым правилам, они предупреждали отклонения от заданных стереотипов поведения, помогали ориентироваться в сложных ситуациях. Страх перед неизвестностью в пути был рычагом для выполнения общепринятых норм.

Ключевые слова: традиционный этикет башкир; путник; проводы в путь; дорога; благословения; благопожелания, нить.

Южный Урал издавна был центром соприкосновения и взаимодействия кочевых и оседлых племен, которые повлияли на особенности ведения хозяйственной деятельности и культуру башкирского народа в целом. Традиционным типом хозяйствования башкир, как известно, было полукочевое скотоводство, и поэтому передвижения играли важную роль в жизни этноса. За сезон они несколько раз меняли место поселения (язлау, йэйләу, көзләу), также для совершения визита к своим сородичам и знакомым приходилось преодолевать дальние расстояния. Обширная территория расселения башкир, разнообразный природный ландшафт также способствовали выработке определенных правил, связанных с дорогой.

В ходе исторического развития народом выработаны разнообразные формы и способы передвижения. Монографическому изучению транспортных средств и дорожному снаряжению башкир в XIX – начале XX в. посвящена работа М.Г. Муллагулова, который на основе большого фактического материала рассмотрел генезис и историю развития башкирского народного транспорта, описал лыжи, конский убор, волокуши, сани, телеги, плоты и лодки [1]. Но в указанном труде недостаточно раскрыта культура поведения в дороге. Передвижения, подвижность, заложенные полукочевой жизнью башкир, способствовали выработке стереотипизированных форм сборов в дорогу и поведения в пути, отголоски которых по сегодняшний день сохранились, представляют интерес в познании этнической культуры.

Статус, атрибуты и нормы поведения путника, вербальное и невербальное общение в дороге у каждого народа проявляется по-своему, но в то же время можно обнаружить определенные параллели. При проведении исследования руководствовалась теоретическими работами Т.Б. Щепанской. В монографии «Культура

дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.» она вводит понятие «культура дороги», под которой понимается комплекс этнических традиций – обычаев и норм поведения, вещественных атрибутов и представлений, связанных с передвижениями. Сюда входят материальная культура (придорожные жилища, дорожная одежда и снаряжение, пища, средства передвижения), духовная (обряды и представления), соционормативная (статусы и нормы поведения дорожных людей, структуры сообществ), т.е., по существу, все стороны образа жизни, который народная традиция последовательно противопоставляет домашнему, тем самым являя собой сочетание двух взаимодополняемых комплексов: «дороги» и «дома» [2. С. 8–9].

В данной статье рассмотрим значение «дороги» в традиционной культуре башкир, особенности сборов и проводов в путь. Дорога башкирами воспринималась как связующая нить между пространствами, мирами. «Нить» в мифологическом словаре означает следующее: «...средство связывания, соединения двух миров, магического измерения; символ дороги, жизненного пути, долголетия; используется во всех семейных обрядах; является оберегом, средством гадания, лечения, порчи» [3. С. 91]. Это ассоциативное понимание нити как продолжительность жизни и как средства связи между мирами имеет глубокие исторические корни, помогает найти параллели с миропониманием многих народов.

Материалы исследований по тюркам Южной Сибири, например, показывают, что мифологическое содержание нити восходит к солнечному лучу: «...солнечный свет / луч обладает в тюркском мировоззрении обширным семантическим полем, к которому тяготеют представления об источнике жизни и знаний, удаче, жизненной силе, дыхании, ритуальными коррелятами которых являются нить, волос, веревка и т.д.» [4. С. 104]. Подобное мифологическое восприятие нити

по сегодняшний день сохранилось и у башкир. Например, в обрядах, связанных с рождением ребенка, принято раздавать «бәпәй ебе» – «нитки новорожденного» с пожеланиями долгой и счастливой жизни, возможно, подобная ассоциация возникла на основе таких схожих свойств, как продолжительность, протяженность.

Символика нити как связи между мирами подтверждается описаниями С.И. Руденко: «Башкиры верили, что душа человека, умершего неестественной смертью, выйдя из тела, находилась первое время возле покойного. Поэтому если утонувшего удалось быстро вынуть из воды и откачать, так чтоб вода вылилась (ибо из-за воды душа и покидала тело), душа возвращалась в тело и человек оживал. Чтобы душа нашла дорогу обратно в тело, утопленника клали у воды и изо рта его до воды протягивали шелковую нитку. С этой целью башкиры-сплавщики барок и плотов (по р. Белой, Юрюзани, Инзеру и др.) всегда возили с собой “на случай” шелковые нитки» [5. С. 272]. Известно также, что клубок в сказках разных народов служил указателем пути. Например, в башкирской народной сказке «Клубок» падчерица отправляется вслед за клубком пряжи, помогает встречной старухе и возвращается богатой [6. С. 174–177]. Исследователь русских волшебных сказок В.Е. Добровольская отмечает, что образ клубочка имеет глубокие мифологические корни и осознается мифо-эпической традицией, с одной стороны, как воплощение нити и ассоциированных с ней представлений о жизни и связывающих элементах пространства (наиболее известный пример такого рода – нить Арианды). Именно эту функцию выполняет и клубочек. С другой стороны, он связан с мифологемой шара, который символизировал мир (космос, Вселенную и, следовательно, пространство). Пространственное значение шара и тем самым других шарообразных предметов дало возможность использовать мячик, шарик, яблоко, клубочек как указатели пути в пространственных перемещениях героя [7. С. 77]. Мифы, сказки и другие жанры фольклора сохранили в себе знания народа о мире, способствовали передаче значимых кодов жизни этноса в целом и культуры дороги в частности.

Приметы башкир, связанные с предстоящей поездкой, также связаны с нитью, волосами: «...если при плетении волос остается прядь – к дороге», «если к одежде прицепляется нить – к дороге» и т.п. Нить как символ дороги породил запрет на шитье перед дорогой. По представлениям башкир, завязанная на узел нитка ассоциировалась с препятствиями в пути. Этот запрет по сегодняшний день соблюдается, но если нужно шить, то необходимо прикусить нитку, ткань. Нужно отметить, что в речи башкир до наших дней сохранились такие выражения, как «юл төшһә» – будет предначертана дорога, «Хозай кушһа» – повелит Худай (по велению Худая), «Алла бирһә» – даст Аллах¹. Это показывает сохранность веры в то, что передвижения человека определяются свыше и об этом «предупреждают» с помощью знаков (нить, волос). Приведенные

примеры показывают сложную семантическую связь: божественное начало, солнечный свет, луч – нить, волос, веревка – жизненный путь, дорога.

Ритуализированное поведение наблюдается в ходе сборов, проводов, а также в пути и во время встречи. «Смысл обрядов ухода – перемещение человека из домашней в дорожную систему мировосприятия: конструирование символического и нормативного комплекса, который будет затем определять поведение человека в дороге. В ходе прощальных обрядов меняется социальный статус уходящего человека: домашний сменяется дорожным, статусом путника» [2. С. 51].

Сборы в дорогу и проводы обусловлены целью, частотой поездки, дальностью и длительностью предстоящего пути, статусом путника: возрастом, полом, степенью родства и свойства, знакомства. Подготовка к дороге придавали большое значение. Перед дорогой обязательной считалось совершение омовения, переодевание в новую, чистую одежду. Вербальное и невербальное поведение всех домочадцев контролировалось взрослыми, чтобы те своим поведением или неосторожным словом не навредили путнику.

«Уход (сборы и проводы) актуализируют такие жанры, как прощальные и напутственные формулы (благословления или проклятия), тосты “на посошок”», плачи (при проводах невесты или рекрута), рекрутские песни, приметы, поверья о первой встрече, заговоры “в путь”», – пишет Т.Б. Щепанская [Там же. С. 12]. Значение благопожеланий, напутствий, запретов и предписаний, произносимых при выходе из дома, сводится к пожеланию успехов и удачной дороги, предотвращению неудач в пути. По содержанию этих текстов можно определить наиболее опасные ситуации для путника: встреча с животными (волки, медведи и т.п.), атмосферные явления (буран, заморозки, гроза, буря и пр.), персонажи, связанные с потусторонним миром, которые могут нанести вред здоровью и жизни путника.

У башкир перед дорогой принято получать благословление родителей, пожилого, уважаемого человека. Например, в эпосе «Конгур-буга» следующим образом описывается сцена прощания Тандысы с сородичами: «Наутро собрался народ, чтобы проводить ее в дорогу. Старейшины рода произнесли напутственные слова, а родители – свой завет-аманат» [8. С. 223].

Получение благословления называется «Фатиха алыу». Провожая человека на дальнюю дорогу, все находящиеся в помещении люди садятся, читают молитву, затем произносят благопожелания. В данной ситуации раскрывается функционально-прагматический аспект фольклорных текстов. В момент прощания особенно усиливается магическая сторона речевых формул, направленных на обеспечение безопасности, удачи в пути. В высказываниях также прослеживается призыв к вмешательству высших сил в обеспечении удачи и благополучия.

Наиболее распространено следующее благопожелание: «Хызыр Ильяс юлдаш булһын!» (Пусть спутни-

ком будет Хызыр-Ильяс!)². По представлениям башкир, Хызыр-Ильяс предостерегает путников от опасностей, оказывает им помощь.

«Хызыр, Ильяс – посланники Аллаха, пророки. В тюркоязычной мифологии, религиозных представлениях, они – два пророка Хызыр и Ильяс. Хызыр (от слова “хезер”, баш. – “хозур”) означает “все становится зеленым”. Согласно религиозному мифу, оба эти пророка выпили живую воду и очень долго жили. Ильяс был покровителем грома и второе имя его было “Йәшен” – Гром, он ходил меж гор, полей, помогал путникам, указывал дорогу, мореплавателям находил сушу. Они встречаются тем, кто попал в беду, покровительствуют искренне молящимся» [9. С. 516]. Как отмечает Г.В. Юлдыбаева, образ Хызыр-Ильяса встречается в эпосах, сказках, легендах, преданиях и мифологических рассказах башкир, некоторые по сегодняшний день верят в его существование и именуют его «пәйғәмбәр» – пророк, «юл фәрештәһе» – ангел путника, «юл һаксыһы» – охранник путника [10. С. 339–340].

В фольклорных текстах башкир зафиксировано также имя хозяина дороги – Баһауетдин. При произнесении благопожелания выражают надежду на его помощь в пути:

«Хызыр Ильяс булһын юлда юлдашың,

Баһауетдин булһын ярҙамсың!» [11. С. 193].

Пусть спутником будет Хызыр-Ильяс,

Баһаутдин будет помощником! (подстр. перевод автора. – Р.Б.).

В мифологии иргизо-камеликских башкир также встречается имя духа дороги – Баһауетдин хужа. Отправляясь в дорогу, нужно дать подаяние со словами: «Будь доволен» [3. С. 57].

По рассказам информантов Абзелиловского, Баймакского, Белорецкого районов, многие по сегодняшний день, чтобы дорога была успешной, обязательно дают собаке мясо или хлеб³. «Пережитки убеждения первобытных людей о тождестве человека и собаки отчетливо проступают в том, что башкиры иногда называют одним словом “көсөк” и щенка, и маленьких детей-подростков, а также в обычае давать при падеже скота или перед выходом в дальнюю дорогу милостыню (“хәйер”) пожилым людям, а в их отсутствие – собаке (Зилаирский, Янаульский районы РБ. Здесь четко просматривается мнение о равенстве человека и собаки, возможности их взаимозамены», – пишут А.Ф. Илимбетова, Ф.Ф. Илимбетов [12. С. 133]. Они подробно проанализировав пережитки сакрализации собаки у башкир, отмечают, что собака как мифологический родовой предок способствует продолжению рода, покровительствует семье и семейным отношениям, путешественникам, символизирует плодородие, приносит счастье и благополучие. Также на основе фольклорных текстов (эпос «Идукай и Мурадым», легенда о Шульган-Таше и др.) авторы сделали вывод о том, что древнейшие башкиры были знакомы со взглядами на собаку как стража потустороннего мира, со-

проводителя и перевозчика душ мертвых во время их путешествия в подземном мире [12. С. 214–215]. Отголоски этих верований по сегодняшний день сохранились в повседневной культуре башкир в виде примет, запретов и предписаний: собака своим воем дает знать о смерти кого-то из членов семьи, встреча с собакой в пути или увидеть во сне собаку предвещают удачную дорогу, беременной женщине нельзя пинать собаку и т.п.

Таким образом, как показывают примеры, молитвы, благопожелания и подаяния перед дорогой служат для того, чтобы заручиться защитой, поддержкой, покровительством представителей верхнего, среднего и нижнего миров. Причем все соблюдаемые вербальные и невербальные правила являются результатом наслоения древних религиозных воззрений, религии и взаимовлияния культур.

Особенности соблюдения всех предписаний и запретов зависели от цели и характера поездки. Раньше наибольшее значение придавали проходам на военные походы, войну, а сейчас – в армию. Вот как описывает момент прощания с близкими, уезжающими на фронт М. Карим в повести «Долгое-долгое детство»: «Вот-вот тронутся в путь. Только проститься осталось. Большинство провожающих – женщины да подростки. По древнему обычаю отцы и матери свое благословение уходящим дома дали. Провожать не выходят. Только жена, держась за стремя сидящего в седле ратника, идет рядом. Когда в бой провожают, стенания и причитания не в обычае. Выдержка и терпение – тоже благословение. На слезе, капнувшей на тропу ратника, конь спотыкается, душу мужчины эта слеза взбалмучивает» [13. С. 194]. Необходимо отметить, что в произведении М. Карима достоверно описываются реальные жизненные ситуации и народная философия. Согласно исследованиям, повесть была высоко оценена литературной общественностью и продолжает вызывать несомненный интерес своими художественными достоинствами [14. С. 115].

По сведениям информанта из Бурзянского района Рахматуллиной Н.А., парни, уходящие в армию, поднимаются на гору с пожеланиями вернуться живыми и невредимыми. Провожают их всей деревней, дарят им серебряное кольцо, предлагают откусить хлеб, а оставшийся кусок хранят до возвращения из армии, угощают молоком, которое по поверьям оберегает от всех бед, дают подаяние. Затем уезжающий должен погладить по голове животное, которое после его возвращения будет принесено в жертву [11. С. 109].

«Икмәк тешләтеп, һөт эсереп, егеттең биләнән кулъяулык менән уратып өй хужаһына хәйер итеп бирәбеҙ. Былар барыһы ла уның имен-аман йөрөп кайтыуын теләп эшләнә. Аҡ һөт – юлдары гел аҡ, күңелдәре изге булһын, тип эсерелә. Икмәкте егет йөрөп кайтҡас, ашап бөтөп куя» [Там же]. – Уезжающему дают откусить хлеб, испить молока, затем носо-

вым платком обводят вокруг его пояса и платочек дают хозяину дома как подавание. Все это делается для того, чтобы уезжающий вернулся живым и здоровым. Молоко – знак благополучия, светлых, чистых намерений. Оставшийся кусок хлеба доедается после возвращения.

Представляет интерес трехкратное обведение платком вокруг пояса / пупка уезжающего. Это действие не несет в себе практического значения, но оно осмысленно, закодировано. Совершение круговых действий по ходу солнца, идея круга, целого, замкнутого, охраняемого пространства лежит в основе многих ритуализированных форм поведения башкир и других народов. Опоясывание, опаживание селения, вождение по кругу и т.д. восходит к движению солнца, символизирует жизнь, бесконечность, обеспечивает защиту человека. Как отмечает Г.Н. Волков, чувашки тоже, прощаясь с родиной, обходят дуб, делая круг, чтобы целым и невредимым вернуться домой [15. С. 34].

Опоясывание характерно для многих обрядов башкир, которое оберегает пояс, пупок, жизненную силу, пограничье верха и низа человеческого тела от злых сил, опасностей. Согласно исследованиям С.Н. Шитовой, пояс вместе с седлом и необыкновенным по боевым качествам оружием (луком, секирой, саблём) переходили от отца-батыра к сыну, приумножая его силу. Поясу приписывались не только магическая, охранная, но и животворная сила, увеличивающая потенциальные возможности человека. Перед трудной дальней дорогой эпические герои ложились спать подпоясавшись. В свете сказанного становятся понятными слова Яик-батыра, поспешившего на помощь к отцу Урал-батыру «Пояс потуже я повязал, что есть мочи к тебе прискакал» [16. С. 166]. Проведение параллелей с древними религиозными воззрениями, изучение фольклорных текстов помогают понять внутренний смысл, истоки происхождения многих действий, правил поведения.

При проходах огромное значение придавали оберегам, например, в произведении «Икенсе эрме» пожилые женщины воинам дарили нитки, чтобы у них дорога была короткой, женщины на грудь пришивали монетки в качестве оберега от вражеских стрел, девушки – вышитые кисеты и платки, чтобы уметь хранить тайну [17. С. 224]. Кроме специальных предметов, оберегами выступали и напутственные слова. «Можно выделить несколько значений, в которых термин оберег употребляется в научной литературе. В одних случаях под оберегом понимается малый фольклорный жанр – короткие словесные формулы, предназначенные для охраны от сглаза, нечистой силы и пр. (типа: “тьфу, тьфу, чтобы не сглазить”, “соль тебе в очи, головня в зубы” и под.)» [18. С. 7].

Успех и благополучие в пути «обеспечивались» не только вербальными, невербальными компонентами и атрибутами общения, но и участниками этикетной ситуации. У башкир до сих пор сохранилось представление, что некоторые люди приносят неудачу (юлькыыз). «Увидишь того-то, лучше никуда не ходить»,

«Не отправляйся в дорогу с тем, кому не везет», – говорят в народе. Также отправляясь в путь, избегали завистников, сплетниц, обладателей дурного глаза, жестокосердных людей. Подобное поведение древних связано с мифологическим мышлением. Французский этнограф Леви-Брюль Люсьен в книге, посвященной проблемам природы человеческого мышления, пишет: «Первобытный человек обычно отказывается расставаться с тем, что ему приносит счастье, – с амулетами, талисманами, колдовскими снадобьями, камнями причудливой формы, “счастливыми” орудиями и оружием и т.п. То же чувство побуждает его искать общества тех лиц, которых сопровождает удача, и избегать тех, которых постигает неудача или несчастье» [19. С. 48].

Башкиры, зная, что кто-то собирается в дорогу, старались не беспокоить его, а при случайной встрече при отъезде, задавать лишние вопросы. Отправляясь в путь, не оглядывались и назад не возвращались, даже если что-то забыли. Объясняя это тем, что пути не будет, поездка неудачной сложится и т.п. Сейчас, если возвращаются с полдороги, принято смотреть в зеркало. Запрет оглядываться встречается и в фольклоре башкир. Например: «С тех пор, как Тандыса покинула родительский дом, она шла, ни разу не оглядываясь назад, боясь, что родительские добрые пожелания исчезнут, и страдания станут преследовать ее» [8. С. 225].

Как известно, в традиционном башкирском обществе конные передвижения занимали значимое место, поэтому выбору ездовой лошади уделяли большое значение. В народе сложились особые приметы: у хорошего коня на месте начала гривы бывает затвердение вроде бородавки; зубы желтые, верхние выпирают вперед; в месте соединения бедер и задних ног должно быть расстояние в четыре пальца; у выносливой хвост должен быть тонок [9. С. 233]. По масти лошадей также определяли предназначение: «По приметам знатоков хорошие беговые качества были свойственны в первую очередь лошадям рыжей масти, после них шли саврасые, буланные, затем серые, серые в яблоках, которые вели родословную от чалых. Гнедые – характером и темпераментом своим горячи, вспыльчивы и быстры, они хороши для скачек на короткие расстояния. Их обычно использовали для охоты на диких птиц. Вороные и игреневые кони хороши в упряжке. Пегие лошади бывают или очень плохи, или очень хороши для тяжелых работ в упряжке. Сивых лошадей никогда не отдавали на заклание» [Там же. С. 231–232]. В пословицах и поговорках башкир подчеркивается их особое отношение к лошади: «Ат – егеттең юлдашы» (Конь – спутник джигита), «Ат якшы булла, юл кыска була» (Если конь хороший, то путь становится коротким), «Йэйәү йөрәмәйенсә, ат кәзерен белмәшен» (Пока не походишь пешком, не узнаешь цену лошади) [20. С. 293, 295]. Конь также был защитником путника от всякой нечисти. Своим поведением он давал знак хозяину об опасности, оберегами в пути служили сбруя, кнут и т.п.

Таким образом, в правилах ухода нашло отражение миропонимание башкир. Дорога в представлениях древних была связующим звеном между пространствами, мирами. Запреты и предписания, благопожелания, магические действия были направлены на защиту, поддержа-

ние поведения путника сообразно принятым правилам, они предупреждали отклонения от заданных стереотипов поведения, помогали ориентироваться в сложных ситуациях. Страх перед неизвестностью в пути был рычагом для выполнения общепринятых норм.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Полевые записи автора 2000–2017 гг.

² Полевые записи автора 2000–2017 гг.

³ Полевые записи автора 2002 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Муллагулов М.Г. Башкирский народный транспорт. XIX – начало XX в. Уфа, 1992. 152 с.
2. Щепанская Т.Б. Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв. М. : Индрик, 2003. 528 с.
3. Хисамитдинова Ф.Г. Мифологический словарь башкирского языка. М. : Наука, 2010. 452 с.
4. Традиционное мировоззрение тюрков Южной Сибири. Человек. Общество / Э.Л. Львова, И.В. Октябрьская, А.М. Сагалаев, М.С. Усманова. Новосибирск : Наука, 1989. 243 с.
5. Руденко С.И. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа : Китап, 2006. 376 с.
6. Башкирское народное творчество. Т. IV: Волшебные сказки и сказки о животных. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1989. 512 с.
7. Добровольская В.Е. Предметные реалии русской волшебной сказки. М. : Гос. республ. центр русского фольклора, 2009. 224 с.
8. Башкирское народное творчество. Т. I: Эпос. Уфа : Башкир. кн. изд-во, 1987. 544 с.
9. Башкирское народное творчество. Т. 12: Обрядовый фольклор. Уфа : Китап, 2010. 592 с.
10. Юлдыбаева Г.В. Хызыр Ильяс юлдаш булдын... // Урал-Алтай: через века в будущее : материалы V Всерос. тюркологической конф., посвящ. 80-летию Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН. Уфа, 2012. С. 339–342.
11. Экспедиция материалдары – 2009: Бөрйән районы / тәз. Г.Р. Хөсәйенова, Г.В. Юлдыбаева, А.М. Хәкимйәнова. Өфө : Эшлекле династия, 2011. 208 с.
12. Илимбетова А.Ф., Илимбетов Ф.Ф. Культ животных в мифоритуальной традиции башкир. 2-е изд., испр. и доп. Уфа : АН РБ, Гилем, 2012. 704 с.
13. Карим М. Долгое-долгое детство: Повесть / пер. с башкир. И. Каримов. М. : Детская литература, 1989. 240 с.
14. Набиуллина Г. Исламские ценности в повести «Долгое-долгое детство» Мустая Карима // Исламоведение. 2013. № 1. С. 115–124.
15. Волков Г.Н. Этнопедагогика : учеб. для студ. сред. и высш. пед. учеб. заведений. М. : Академия, 1999. 168 с.
16. Шитова С.Н. Пояс в обычаях и мифологии башкир // Башкорт фольклоры: Тикшеренүзәр һәм материалдар. V сығарылыш. Өфө : Гилем, 2004. С. 157–171.
17. Нәзершина Ф.А. Риуәйәт һәм легендаларҙа халыҡ тарихы. Тулыландырылған баһма. Өфө : Китап, 2011. 360 б.
18. Левкиевская Е.Е. Славянский оберег. Семантика и структура. М. : Индрик, 2002. 336 с.
19. Леви-Брюль Люсьен. Сверхъестественное и природа в первобытном мышлении : пер. с фр. М., 2010. 264 с.
20. Башкорт халыҡ ижады. 10-сы том. 1-се китап. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө : Китап, 2006. 544 б.

Rozaliia R. Baizitova. Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah (Ufa, Russia). E-mail: rosali8@mail.ru

PREPARING FOR THE JOURNEY AND SEEING OFF IN THE TRADITIONAL BASHKIR CULTURE

Keywords: Bashkir traditional etiquette; traveler; seeing off; road; favoring; wishful thinking, thread.

Bashkirs developed various forms and ways of movement throughout the history progress. The vast territory of resettlement of Bashkirs and a various natural landscape promoted emergence of the certain rules connected with the road. This article considers the specificities of preparing for the journey and seeing off accepted by Bashkirs. Studying the culture of road remains relevant since the subject is understudied but important for reconstruction of a holistic picture of ethno-etiquette. The purpose of the study is to determine the road symbols and semiotic aspects of verbal and nonverbal components of farewell to the family, to reconstruct the road culture of Bashkirs in general. In order to achieve this purpose we used an integrated approach which is the analysis of historical, philosophical and ethnographic works. The study accomplished the following tasks: we analyzed the etiquette situations connected with preparing for the journey and seeing off and determined the meaning of the certain etiquette attributes.

We used a wide range of unpublished and published sources to fulfill the research. The major source is the field data collected by the author in 2000–2017. As for the published sources, we extracted valuable information from the Bashkir folklore. The study has shown the associative understanding of thread as means of communication between worlds. It has deep historical roots and helps to find parallels with worldview of many cultures.

According to research, the road is still accepted as predetermined and predestined. The purpose of the journey, frequency, distance and duration of the forthcoming trip, the status of the traveler determine preparing for the journey and seeing off etiquette. Before a trip it is necessary to receive the blessing of representatives of the upper, middle and nether worlds. The worldview of Bashkirs found reflection in rules of seeing off. Verbal, nonverbal components and attributes of communication as well as the participants of the etiquette situation ensured successful and safety trip. Great importance was attached to preparation for the journey. Ablution and dressing in new clean clothes were obligatory. The behavior of younger members of the family was controlled by adults so they did not harm the traveler with wrong words or actions. Prohibitions and instructions, wishful thinking and magic actions were designed to protect and maintain the traveler in accordance with the accepted rules. They prevented deviations from the given behavioral patterns and helped to feel confident in difficult situations. Fear of the unfamiliar on the road was the reason for implementation of the accepted rules.

REFERENCES

1. Mullagulov, M.G. (1992) *Bashkirskiy narodnyy transport. XIX – nachalo XX v.* [The Bashkir national transport. The 19th – early 20th centuries]. Ufa: RAS.

2. Shchepanskaya, T.B. (2003) *Kul'tura dorogi v russkoy miforitual'noy traditsii XIX – XX vv.* [The culture of the road in the Russian mythological and cultural tradition of the 19th – 20th centuries]. Moscow: Indrik.
3. Khisamitdinova, F.G. (2010) *Mifologicheskiy slovar' bashkirskogo yazyka* [Mythological Dictionary of the Bashkir Language]. Moscow: Nauka.
4. Lvova, E.L., Oktyabrskaya, I.V., Sagalaev, A.M. & Usmanova, M.S. (1989) *Traditsionnoe mirovozzrenie tyurkov Yuzhnoy Sibiri. Chelovek. Obshchestvo* [The traditional worldview of the Türks of Southern Siberia. Person. Society]. Novosibirsk: Nauka.
5. Rudenko, S.I. (2006) *Bashkiry. Istoriko-etnograficheskie ocherki* [Bashkirs. Historical and ethnographic essays]. Ufa: Kitap.
6. Zaripov, N.T. (ed.) (1989) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir Folk Art]. Vol. 4. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
7. Dobrovolskaya, V.E. (2009) *Predmetnye realii russkoy volshebnoy skazki* [Material Realities of the Russian Fairy Tale]. Moscow: State Republican Center of Russian Folklore.
8. Sagitov, M. (ed.) (1987) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir Folk Art]. Vol. 1. Ufa: Bashkirskoe knizhnoe izdatel'stvo.
9. Sultangareeva, R.A. & Suleymanov, A.M. (eds) (2010) *Bashkirskoe narodnoe tvorchestvo* [Bashkir Folk Art]. Vol. 12. Kitap.
10. Yuldybaeva, G.V. (2012) Khyzyr Il'yas yuldash bulhyn.... *Ural-Altay: cherez veka v budushchee* [Ural-Altai: Through the Centuries into the Future]. Proc. of the Fifth All-Russian Conference. Ufa. pp. 339–342. (In Bashkir).
11. Khos̄eyanova, G.R., Yuldybaeva, G.V. & Khakimyanova, A.M. (2011) *Ekspeditsiya materialdary – 2009: Boryan rayony*. Ufa: Eshlekle dinastiya. (In Bashkir).
12. Ilimbetova, A.F. & Ilimbetov, F.F. (2012) *Kul't zhyvotnykh v miforitual'noy traditsii Bashkir* [The cult of animals in the Bashkir mythological tradition]. 2nd ed. Ufa: AN RB, Gilem.
13. Karim, M. (1989) *Dolgoe-dolgoe detstvo* [Long-long childhood]. Translated from Bashkir by I. Karimov. Moscow: Detskaya literatura.
14. Nabiullina, G. (2013) Islamskie tsennosti v povesti “Dolgoe-dolgoe detstvo” Mustaya Karima [Islamic values in M. Karim's “Long-long childhood”]. *Islamovedenie – Islamic Studies*. 1. pp. 115–124.
15. Volkov, G.N. (1999) *Etnopedagogika* [Ethnopedagogy]. Moscow: Akademiya.
16. Shitova, S.N. (2004) Poyas v obychayakh i mifologii bashkir [Belt in the customs and mythology of the Bashkirs]. In: *Bashkort fol'klory: Tikshereneyzar ham materialdar*. Ufa: Filem. pp.157–171.
17. Nəzershina, F.A. (2011) *Riyəyət ham legendalarğa khalyk tarikhy. Tulylandyrylzan bağma*. Ufa: Kitap. (In Bashkir).
18. Levkievskaya, E.E. (2002) *Slavyanskiy obereg. Semantika i struktura* [Slavic amulet. Semantics and structure]. Moscow: Indrik.
19. Levy-Bruhl, L. (2010) *Sverkh'estestvennoe i priroda v pervobytnom myshlenii* [Supernatural and nature in primitive thinking]. Translated from French by B.I. Sharevskaya. Moscow: Krasand.
20. *Bashkort khalyk izhady*. Vol. 10. Ufa: Kitap. (In Bashkir).